

РУССКИЙ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Через несколько дней после приезда моей семьи в Бостон друзья показывали нам окрестности. Мы решили выйти из машины и прогуляться. “Залокай дверь!” - напомнила жена мужу-водителю. Я не поняла, что она имела в виду, и переспросила: “Что, что?”

Моя приятельница пояснила: “Залокай. Закрой, значит. Ты не удивляйся. Ещё не такое услышишь. Это как-то срывается с языка...”

Она была права. Вскоре я услышала... “...Забудьте сравнивать цены... Обычно это берёт полгода... Ты взял душ?..” “Вайфуля, залокай форточку, а то наши чилдернята схватят сикнес...” (от англ. wife - жена, to lock - закрывать, children - дети, sickness - болезнь). “Мне полпаунда вон той колбаски. Только не писиком, а слайсиками. И потоньше наслайсите?” (2; от round - фунт, единица веса; piece - кусок, часть; slice - ломтик; to slice - резать ломтиками, тонкими слоями).

Мне рассказали, что в Нью-Йорке практически невозможно аффордать апартаменты, потому что за них безумно много чарджают (to afford - иметь возможность, быть в состоянии сделать что-то; to charge - назначать, запрашивать цену), растолковали, какую надо искать работу, чтобы саппортать семью (to support - поддерживать), подсказали, где шопинговать в Бостоне, и уточнили, что если шопаться на “Визу”, то можно получить скидку (to shop - делать покупки; shopping - посещение магазинов с целью покупки). Также я узнала, что можно шерать бизнес (to share - делить, участвовать, иметь долю в чём-то), миксать слова (to mix - смешивать), спонсорать мероприятие, консумать вещи (to consume - уничтожать, потреблять, расходовать), дринчать (to drink - пить), бебисытить (to baby-sit - смотреть за ребёнком), юзать купоны (to use - использовать), можно присмотреть кондочку (condo, condominium - особый вид квартир, совладение), пользоваться макровейкой (microwave - микроволновая печь), апплаиваться в колледж (to apply - подать заявление о приёме в учебное заведение, на работу), получить диплому (diploma - диплом), притэйпать линейку к экрану (to tape - прицепить, связать), засэйвать текст на дискету (to save - сохранить), проранать программу (to run a program - запустить программу), и при этом она может ранаться или не ранаться. Можно поланчевать (lunch - приём пищи между завтраком и обедом, обычно около 12 часов дня), позвонить овнеру (owner - хозяин), килануть кого-то (to kill - убивать), воспитывать бэбика (baby - малыш) и стать хомотэнтом (home attendant - человек, который смотрит за домом, обслуживающее лицо). Можно есть фэтное и нефэтное (fat - жир, жирный). Можно быть действительно забизанным (to be busy - быть занятым), а можно только делать вид. И, наконец, жизненно важно знать, где находятся вумэнская и мэнская (Я думаю, вы догадались сами...).

“Доведись профессору Хиггинсу побывать в любом американском городе, где есть мало-мальское скопление русских людей (а мы, кажется, уже есть везде), и послушать, на каких “диалектах” мы между собой разговариваем, герой Б. Шоу на второй день сошёл бы с ума, --- говорится в статье “Английский с русским акцентом” (4) . - ...Наши перлы - “новоязы” или “американизмы” с русскими суффиксами и окончаниями - непередаваемы ни на один из языков мира, включая английский и русский, хотя для нас самих просты, понятны и доходчивы.

Только совсем уж тупой или вчера пересекший границу не поймёт, что значит “аффордать”, “юзать”, “слайсать”, “клаймать”, позвонить в “джуйку” или идти на “пари”. Руководитель тургруппы объявляет: “В нашем трипе эвридэй будут фри брекфасты, два ланча и один дынер (именно так, через “ы”). Пожалуйста, не забывайте оставлять типсы. Давать в руки не принято, лучше мани оставляйте на тэйблах”. А как произносятся порусски “заём”, “аренда”, “адвокат”, “мусор”, “встреча” или “напиток”, не помнят даже те, кто и знает-то на английском два десятка слов. *Лон, лиз, лоер, гарбидж, митинг и дринк* стали как-то родней и ближе.”

Когда состояние первичного “столбняка” прошло, я начала прислушиваться к этой речи. При всем её почти что неприличном звучании, под ней “струилась жизнь”. Мне

было интересно, как, по каким моделям образуются эти слова и обороты, почему они массово “срываются с языка” и органично вписываются в поток русской речи, порождение ли они нынешней “невежественной” эмиграции.

Должна признаться, что непосредственной связи между употреблением “новоязов” в речи и образовательным уровнем говорящего я не заметила. В большей или меньшей степени, эти “перлы” присутствовали в речи практически всех моих знакомых, и мало-, и высокообразованных. Насыщенность же речи “американизмами” была связана не с формальным образованием, а с индивидуальным стилем мышления и говорения человека, с культурой речи говорящего (которой, к сожалению, можно не обладать, имея даже научные степени).

Велико было моё удивление, когда я обнаружила, что “новоязы” совсем не новы по своему происхождению.

“Так и жизнь прошла, як один дэй... Тут у меня есть менеджер... Мы с ним вместе продаём поп-корн... На динер не хватает. Голодную. Одежда, сами видите, какая. Не в чем на стрит выйти.” (5, с.47) Этот монолог старого украинца, уехавшего с Волыни в США, приводится в книге И.Ильфа и Е.Петрова “Одноэтажная Америка” (1936 год).

Весьма любопытный монолог воссоздаёт В. Маяковский в стихотворении “Американские русские” (цикл “Стихи об Америке”, 1925 год):

“Я вам,
сэр,
назначаю апойнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апартман?
Тудой пройдёте четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дрог ликет,
а мне уж
и пинту
принёс бутлегер.
Приходите ровно
в севен оклок, ---
поговорим
про новости в городе
и проведём
по-московски вечерок, ---
одни свои: жена да бордер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе ---
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду

в офисе” (3, с.333-334).

Маяковский не придумал этот монолог, как и прочие специфические реплики в “Стихах об Америке”. Он записал то, что услышал на улицах Нью-Йорка. В книге очерков “Моё открытие Америки” (1926 год) поэт почти дословно прокомментировал стихотворение “Американские русские”: “Мне, не знающему английский язык, всё-таки легче понимать скупословного американца, чем сыплющего словами русского.

Русский называет:

трамвай --- стриткарой,
угол --- корнером,
квартал --- блоком,
квартиранта --- бордером,
билет --- тикетом,
а выражается так:

“Вы поедете без меняния пересядок”.

Это значит, что у вас беспересадочный билет.” (3, с.714)

Ссылки на приведённые выше и подобные им примеры русской речи, в большом количестве впитавшей в себя инородные элементы (не только английского языка), можно найти в монографиях и учебниках русского языка, в разделах, рассказывающих об употреблении заимствованной лексики, экзотизмов и варваризмов, однако, к сожалению, в языковедческой литературе анализировалась не языковая природа этих примеров. Как правило, они рассматривались под социально-политическим углом зрения и подавались как средство речевой характеристики “для осуждения каких-либо людей, явлений” (5, с.47). Даже в 1984 году монолог старого украинца из “Одноэтажной Америки” был прокомментирован так: “Потеряв родину, он незаметно для себя потерял и родной язык” (5, с. 47).

Если отвлечься от политики и взглянуть только на “языковой фактор”, с трудом верится, что даже после долгих лет жизни в эмиграции, человек забыл такие слова, как *день*, *обед* и *улица* на родном языке и, вместе с тем, бегло говорит на нём. Скорее, монолог старого украинца иллюстрирует не процесс забывания родного языка, а процесс вхождения человека в новую языковую среду, процесс освоения нового языка. Слова *день*, *обед* и *улица* на родном языке не были забыты. Они были замещены освоенной лексикой английского языка и перешли в пассивный запас.

В языкознании традиционно различают два типа освоения неродного языка.

Социолингвистика называет их смешанным и чистым двуязычием. Психолингвистика определяет их как создание комбинированных и соотнесённых лингвистических систем. Первый тип более распространён. Он заключается в том, что одному и тому же значению соответствуют два разных лингвистических знака - первого и второго языка. Причём сами значения определяются в момент освоения первого языка. Второй тип предполагает создание двух параллельных, независимых рядов знаков, соответствующих двум параллельным, отличным друг от друга рядам значений. Так, погружаясь в языковую среду и воспринимая её как она есть, осваивают новый язык дети.

Предполагается, что любой человек, оказавшись в новой языковой среде, осваивает неродной язык по типу чистого двуязычия. И тут, применительно к явлению эмиграции, возникает парадоксальный вопрос: физически находясь в стране изучаемого языка и будучи жизненно заинтересованными в его освоении, находятся ли, например, русские эмигранты по-настоящему в англоязычной языковой среде?

Ответ на этот вопрос зависит от социальных факторов: от того, где и с кем живёт человек, где и кем работает, где учился, с кем общается, что читает, какие фильмы смотрит, и т.д. “Нью-Йорк. На Брайтон-Бич открылась спецшкола с преподаванием ряда предметов на английском языке.” (1, с.13) Безусловно, в этой шутке ситуация утрируется, но доля правды в ней есть. В городах, где оседает большое количество эмигрантов, они активно общаются между собой, естественно, на родном языке. Дома (если не добавились американские члены семьи) говорят на нём же. Английский язык используется на работе, в официальных учреждениях, как язык документации, литературы, на уровне бытового общения в магазинах, в транспорте, на почте, и т.д.

Многие эмигранты, приехавшие в США в зрелом возрасте и освоившие английский язык, но не имеющие достаточной практики общения на нём, всё равно мысленно пытаются переводить с одного языка на другой, сравнивая реалии “той” и “этой” жизни. Как это ни странно звучит, сознание и предыдущий опыт мешают овладеть новым языком.

Получается, что, в действительности, людям, находящимся физически в стране изучаемого языка, не хватает языковой практики. Результат этого – не чистое, а смешанное двуязычие (часто в варианте смешения “французского с нижегородским”).

Моя знакомая, Барбара, преподаватель английского языка, американка в третьем поколении, чьи бабушка и дедушка приехали в Америку в начале века из Белоруссии, как-то рассказала, что её бабушка говорила на трёх языках - идиш, русском и английском - одновременно. Например, она могла сказать внучке: “Барбеле, штыл авэк дым чайник он зе тейбл” (“Поставь чайник на стол”).

Пример такого “смешения” языков заразителен. В очерках об Америке Маяковского читаем: “Сегодня, 10 сентября, нью-йоркский юнион моряков порта объявил забастовку...” (3, с.692), или “В двенадцать выходящие из театров пьют последнюю соду, едят последний айскрим и лезут домой в час или в три, если часа два потрутся в фокстроте или последнем крике “чарлстон”. Но жизнь не прекращается, --- так же открыты всех родов магазины, так же носятся собвей и элевейтеры, так же можете найти кино, открытое всю ночь, и спите сколько влезет за ваши 25 центов ” (3, с.693-894).

Надеюсь, никто не сомневается в том, что Маяковский не забыл русские слова *союз* (union), *газированная вода* (soda), *мороженое* (ice-cream), *метро* (subway) и *лифт* (elevator). Но в тексте очерков вместо них он использовал “американизмы”. Возможно, они “просто сорвались с языка...” и остались в тексте, придавая ему “вкус и запах” американской жизни.

Когда “смешение” языков используется как специальный приём для создания комического эффекта или речевой характеристики персонажа, как правило, монологи, диалоги, реплики-шутки получаются колоритными.

“Гаврила наш был журналистом ---

Гаврила “paper” издавал...”, --- пишется в стихотворении, использованном в рекламе (1, с.122). Под усечённым “paper” подразумевается “newspaper” (газета), хотя обычно “paper” значит “бумага” или “документ”. Этот экзотизм используется традиционно: вспомните классическое “...как dandy лондонский одет..”.

Однако часто шутки строятся по принципу оксюморона --- на совмещении разных структур, причём компоненты фразы берутся не просто из разных языков, но и из разных лексико-семантических групп. Посмотрите на современные “компьютерные” шутки: “Сердце моё на зип-драйве...”; “Delete на оба ваших дома!” (Delete - команда: стереть); записка на двери: “Пошёл на Yahoo!” (Yahoo - страница в Интернете) (1, с.100).

Иногда комический эффект строится в первую очередь на узнаваемости звукового образа слова: “Что делать? Страна контрастов!

И херинг тебе, дурачок.” (1, с.13) (англ. herring - селёдка)

В разговорной речи “смешение” языков происходит непреднамеренно. Люди не планируют “испортить” русский язык или продемонстрировать своё знание английского языка. Они просто так говорят; это “срывается с языка...”

Быстрее всего запоминается необходимая общеупотребительная лексика и профессиональная терминология --- парадигмы слов. Иногда русские и английские слова соответствуют друг другу, иногда - нет, в силу того, что они несут разную смысловую нагрузку и за ними стоят отличные друг от друга реалии. Говорящий строит поток речи на родном языке и автоматически вставляет в него слова из новых освоенных парадигм. Если у английского слова нет чёткого русского соответствия, его присутствие в русской речи может быть обосновано спецификой того, о чём говорят. Однако значительно чаще в русской речи встречаются английские слова, имеющие русские эквиваленты. Английское слово замещает русское и пополняет активный словарный запас человека, в то время, как русское слово переходит в пассивный запас.

Этот процесс закрепляется и в письменной речи. Примеры из опубликованных объявлений: “Назначайте appointment сегодня...”, “Принимаем credit cards...”, “Мосты. Root Canals. Хирургия ротовой полости...”, “Первая группа в Real Estate...”, “Требуются electrologist, маникюрша и massage therapist...”, “...работа full/part time” (1).

Язык пытается освоить любые инородные элементы. Освоение заимствований - процесс давно и широко известный. Исследование смешанного двуязычия показывает, что доминирующий язык - язык, на котором строится речевой поток, - осваивает вкрапленные в него экзотизмы и варваризмы и подчиняет их законам построения потока речи на данном языке. Так начинают склоняться по русским моделям английские существительные и спрягаться английский глаголы: “...предлагаем полный пакет бенефитов и гибкое расписание...”, “... перед покупкой дома, кондо или таунхауса узнайте о его состоянии...”, и т.д. Отметьте, что освоенные заимствования уже пишутся русскими буквами, в отличие от экзотизмов и варваризмов, которые часто сохраняют оригинальное написание.

Затем к хорошо освоенным иноязычным корням начинают добавляться русские словообразовательные форманты: приставки, суффиксы, постфиксы... Примеры таких слов в изобилии приводятся в начале статьи. Анализ освоения “американизмов” русским языком показывает, какие словообразовательные типы, модели, форманты действительно продуктивны сегодня в русском языке.

Любопытные данные о продуктивности языковых процессов можно почерпнуть и из детской речи. По мере освоения английского языка, у детей теряется чувство русского языка. Они говорят, читают и пишут по-русски, но нет-нет, да и споткнутся на какой-нибудь словообразовательной модели, на словоупотреблении или падеже: “Я так люблю шить... Я бы шила и шила, но у меня нету шейной машинки.”; “Это лиричная песня...”; “Он физикально слабый...”; “...землическая орбита...”; “Любые кнопки не работают...” (Калька с английского языка, не допускающего двойное отрицание “Никакие кнопки не работают”), “...я взяла сложный тест...” (Калька с английского to take a test). Иногда услышишь и такое: “Бабушка, дай мне два котлета...”

Практически постоянно дети и взрослые, живущие в англоязычной среде, ошибаются в употреблении двух синтаксических конструкций: инфинитивной (“...забудьте сравнивать цены...”) и с частицей ЛИ (например, вместо “Я спрошу, знает ли она это...” говорят “Я спрошу, если она это знает...”). С этими же ошибками я сталкивалась и ранее, когда учила русскому языку немецких и американских студентов. Более того, подобные фразы стали “канонической” частью знаменитого “одесского языка” (“Я видел Вас гулять по Дерибасовской...”). Они строятся как кальки с соответствующих синтаксических конструкций германских языков, к которым принадлежат и английский (в случае с “американизмами”), и идиш как диалект немецкого (в случае с “одесским языком”).

Конечно, “два котлета” удручают. Но их появление в речи ребёнка, выросшего в Америке и, в основном, говорящем на английском языке, объяснимо. А вот как объяснить то, что происходит с русским языком в современной прессе, издаваемой в России и для русского читателя:

“17 ноября в Санкт-Петербурге было представлено новое поколение мобильных телефонов Alkatel модели One touch 300/500/700 (причём в последней модели есть органайзер, диктофон, навигатор...)...”;

“...В рамках Фестиваля проводятся конкурсы телевизионной и печатной рекламы, упаковки, рекламы в Интернете, радиорекламы, конкурсы молодых креаторов.”;

“... семинары по fashion-индустрии и развитию “меховой” моды...”;

“...Вечеринка по случаю показа - mania-party - регламентированное сумасшествие с музыкой и коктейлями... будет сопровождаться миксом из кинотриллеров.”;

“В этот уикэнд в магазинах Rivoli пройдёт презентация... вы можете придти в магазины Rivoli на сеанс make-up к опытным визажистам и косметологам...”;

“Вопрос о плагиате, заимствованиях и цитатах в музыке сделали бессмысленным диджеи. Сэмплированное кино (бесконечные сиквелы, многочисленные переводы телесериалов в полнометражные ленты, а потом обратно в телемыло) тоже существует

уже не первый год... ... А потому настало время строить кинотеатры без сидений, где демонстрация фильма будет совмещена с дискотекой --- саундтрек “Ангелов”, составленный из бодрых хитов опять-таки разного времени, к этому располагает.

Как и полагается ударному кассовому блокбастеру, “Ангелы” во всех странах выпускаются сразу на максимальном количестве экранов.”, и т.д. (Примеры взяты из различных статей, помещенных в Интернете на страницах www.gazeta.ru).

Что это? Веяние XXI века? Новая лексика, которая стремительно входит в русский язык и будет употребляться наравне с принтером, сканнером, бипером, бодибилдингом, фитнесом, номинациями, рейтингами и презентациями? Влияние современной западной культуры? Мода? Проявление скудного словарного запаса, невладение культурой русской речи – то, о чём поэт писал ещё в 1925 году:

С насыпи

язык

летит на полном спуске.

Скоро

только очень образованный

француз

будет

кое-что

соображать по-русски.” (3, с.333-334)?

Возможно, и то, и другое, и третье. Ясно одно: язык, действительно, “живой как жизнь”. В нём отражается всё, что происходит с людьми, говорящими на нём. И, вместе с тем, остаётся уповать на то, что, будучи “великим и могучим”, язык - русский, английский, китайский... - сохранит свою природу и свой уникальный строй.

1. Бостон. Русский бюллетень. – Январь 2001. – №132.
2. Каган В. В пространстве языка// Мы и Америка. – № 44. – С.34-35.
3. Маяковский В.В. Стихи об Америке. Очерки об Америке//Маяковский В.В. Сочинения. – В 2-х тт. – Т.1. – М., 1987.
4. Родионов В. Английский с русским акцентом// Мы и Америка. – № 46. – С.2.
5. Современный русский язык/Под ред. Д.Э. Розенталя. – М., 1984.